

УРОКИ КАНТОВА АНАЛИЗА «ВОЗВЫШЕННОГО»

Эстетика Канта, хотя она и породила большую литературу, изучена далеко не равномерно в различных отношениях. Так, «Аналитика прекрасного» изучена куда более обстоятельно, чем «Аналитика возвышенного», что сказывается на адекватном понимании не только последней, но и первой. С полным правом В. Ф. Асмус иронизирует, например, по поводу распространенного в эстетической литературе мнения о формалистическом характере кантовской эстетики, показывая, что такое мнение может сложиться только в том случае, если ознакомление с «Критикой способности суждения» остановилось, даже не достигнув середины. Теория возвышенного, созданная Кантом,— одна из наиболее тщательно разработанных в истории эстетики теорий такого рода. Многие ее положения при критическом к ним подходе имеют непреходящую научную ценность. Их освоение имеет не только историко-философский интерес или интерес для истории эстетических учений, но интерес теоретический.

ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТРАКТОВКИ ВОЗВЫШЕННОГО И. КАНТОМ

Непосредственное изучение возвышенного в эстетике И. Канта, содержащее плодотворные идеи, еще далеко не полностью освоенные, невозможно без предварительного введения следующих условий.

Первое условие состоит в том, что Кант анализирует аксиологические явления, непременно соотнося их с явлениями познания, гносеологическими явлениями. Такое сопоставление дает возможность осознать как тождество, так и различие между двумя рядами этих явлений. Ход мыслей Канта здесь таков. Способности души (все психические способности, характеризующие человека) для Канта сводятся к трем следующим: 1) способности познания; 2) чувству удовольствия и неудовольствия; 3) способности желания. Но все эти способности обслуживаются, обеспечиваются единым познавательным механизмом, состоящим из чувственности, рассудка и разума, или, более точно, из априорных форм чувственности, априорных форм рассудка и идей разума, ибо материал чувственности, согласно Канту, аффицируется миром вещей в себе.

В таком понимании все душевные способности оказываются в своем существе различными комбинациями из элементов по-

знавательного механизма: различные отношения и комбинации связей между чувственностью, рассудком и разумом создают все богатство психической жизни человека. Кант подошел здесь к весьма глубокой идее единства сознания, общей природы сознательных процессов, которая в философии диалектического материализма связывается с принципом отражения. Все содержание сознания диалектико-материалистической философией рассматривается как система процессов отражения, осуществляемых в различных формах и на различных уровнях. Сознание человека, являющееся целиком продуктом отражения объективно мира, практического взаимодействия человека и материального мира, целостно, хотя и чрезвычайно сложно и не сводимо единственно к познанию, к гносеологическим элементам. Оно содержит, кроме гносеологических структур, структуры, по крайней мере, равноуровневые, равнопорядковые, которыми являются ценностно-ориентационные и нормативно-регулятивные¹.

Все три ряда структур сознания находятся в нерасторжимой диалектической взаимосвязи, вплоть до взаимопереходов между ними. В них воспроизводятся различные стороны процесса отражения, чем и определяется их единство, не исключаящее тем не менее их качественной специфики.

Последовательно провести эту идею Кант, однако, не сумел, да и не мог (мы должны быть благодарны ему уже за то, что он наметил контуры системного анализа сознания в отношении основных функций сознания общественного человека). В систематизации способностей души он, с одной стороны, познавательной способности поставил в соответствие только рассудок, тогда как, анализируя процессы познания, пользовался всеми элементами познавательного механизма; с другой стороны, поставив в соответствие способности желания разум, Кант понимает его как «практический» разум, т. е. носитель категорического императива, но разум в таком понимании не скоррелирован строго с теми проявлениями разума, которые рассматриваются в «Критике чистого разума». Способность же суждения, в-третьих, сама есть не что иное, как комбинация элементов познавательной системы, и в этом смысле ее очень трудно отличить от чувства удовольствия и неудовольствия, поставленного способности суждения в соответствие и рассматриваемого Кантом как игра интеллектуальных сил.

Своеобразие комбинаций элементов познавательных механизмов психики приводит к тому, что все три способности души

---

¹ О ценностно-ориентационных структурах сознания все более настойчиво и определенно говорят и пишут. Особенно интересны в этом плане последние работы Л. Н. Столовича «Природа эстетической ценности.» М., 1972 и М. С. Кагана «Человеческая деятельность.» М., 1974. Природа нормативно-регулятивных структур изучена значительно меньше. Все эти структуры выделены в статье В. А. Блюмкина «Философия Канта и некоторые современные проблемы структуры общественного сознания.»— В кн.: Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград. Кн. изд-во, 1975.

не сводимы друг к другу или какой-то одной способности. «Правда, философы, заслуживающие, впрочем, всяческой похвалы за основательность своего образа мыслей,— пишет Кант,— объявили это различие лишь мнимым и стремились свести все способности к одной только познавательной способности. Однако можно очень легко показать, и с некоторых пор уже поняли (Кант имеет здесь в виду Юма, оказавшего в этом вопросе на него большое влияние.— Л. К.), что подобная попытка внести единство в это многообразие способностей, попытка, предпринятая вообще-то в подлинно философском духе, тщетна»². Способности отличаются качественным своеобразием, различны. Это различие выливается в различие между «теоретическими, эстетическими и практическими суждениями»³. Надо отметить, что проводя это различие, Кант иногда так усердно его подчеркивает, что не оставляет даже надежды и на малейшее тождество, доводя дело до известного противоречия: например, основываясь на познавательной способности, способность суждения якобы абсолютно ничего общего с познанием не имеет⁴.

По Канту, такими познавательными механизмами, которые образуют эстетическую способность суждения (в широком смысле, включающем чувства прекрасного и возвышенного), являются воображение и рассудок или воображение и разум, которые должны прийти в определенное взаимодействие, в игру сопоставления, соотнесения и соответствия.

Вторым весьма важным условием, тесно связанным с первым, является то, что эстетические явления — это для Канта явления, сопровождающие процесс познания. Весь смысл жизни самого Канта заключался в познании, это была его единственная страсть, то, ради чего стоило существовать. Но свое положение мыслителя Кант распространял на человечество в целом, считая, что суть всей человеческой жизнедеятельности вообще заключается в познании. Когда Карл Маркс писал о том, что идеализм не знает действительной практической деятельности, практики, он, без сомнения, имел в виду и Канта. Идеализм Канта, особенно субъективно-идеалистические мотивы, вели его мышление по этому пути: эстетическое наслаждение рождается только в процессе познания, хотя к нему и не сводимо.

Наиболее наглядно подтверждает эту особенность трактовки Кантом возвышенного деление его на математически возвышенное и динамически возвышенное. Структура возвышенного как эстетического явления наиболее полно и подробно рассмотрена на примере математически возвышенного, где Кант исследует методологические проблемы измерения и связанные с ними абстракции актуальной и потенциальной бесконечности. Математически возвышенное является в известном смысле эталоном для

² Кант И. Соч., т. 5, с. 110.

³ Там же, с. 154.

⁴ См., например: Кант И. Соч., т. 5, с. 126, 204, 231—232, 303 и др.

объяснения динамически возвышенного. Сам акцент, который Кант делает на нем, резко отличает кантовское решение от анализа возвышенного у его предшественников, посвятивших все свое внимание именно тем проявлениям возвышенного, которые Кант определил как динамически возвышенное. И послекантовская эстетика в значительной мере продолжала линию его предшественников.

Одно из основных положений Кантова изучения возвышенного состоит в том, что восприятие прекрасного связано с восприятием качества явлений мира, освоения их с качественной стороны, тогда как восприятие возвышенного связано с количественной стороной явлений, с количеством. Мысль эта покоится на том же фундаменте — на интересе к познанию, к методологическим проблемам познания.

Но саморефлексия, из которой Кант исходил, была куда более богатой, чем саморефлексия просто кабинетного ученого, занятого единственно своими научными штудиями. В реальном анализе эстетических явлений он выходил в сферы, весьма далекие от научно-познавательной деятельности. Этот выход обогащал и углублял его теоретическую концепцию, наполнял ее реальным эстетическим содержанием, являвшимся достоянием общественного сознания его времени, а не только достоянием одиночек-мыслителей, похожих на гетевского Вагнера и каким часто изображают самого Канта. Он анализирует такие вопросы, как место человека в мире и в чем его красота, эстетические свойства мира вещей, созданного человеком, красоту природы и искусства. В отличие от многих своих предшественников и последователей, он как эстетик не замыкается в области искусствоведения, а изучает всю гамму эстетических явлений. И дело совсем не в том, что Кант плохо знал искусство, так как не мог быть в крупнейших музеях того времени. Он был хорошо знаком с античной культурой, о чем говорят сами его сочинения. Это знакомство создавало условия для проникновения во внутреннюю суть искусства таких великих художественных эпох, как Возрождение и классицизм. Эпоха Просвещения характеризуется тем, что на первое место в мире искусства вышла литература, а Кант был хорошим читателем.

Просто будучи глубоким мыслителем он стремился в своей теоретической концепции эстетических явлений охватить и обобщить предельно широкий круг доступных ему фактов и явлений. Такое стремление неизбежно требовало достаточной степени абстрактности теоретического построения, глубины в анализе сущности эстетического, ибо абстракция, по замечанию В. И. Ленина, приближает нас к сущности вещей. Для материалистического прочтения кантовская эстетика по всем этим причинам предоставляет благодатнейший материал.

Третьим условием, также соответствующим ходу рассуждений самого Канта, является то, что возвышенное и его анализ

осуществляется в условиях постоянного сопоставления и противопоставления его прекрасному. Подобный способ характеризовать возвышенное получил распространение уже в докантовской эстетике. Но если у предшественников Канта это сопоставление не шло дальше описания различий, которые производят прекрасное и возвышенное в психических проявлениях, как это имеет место у Э. Берка или Гельвеция⁶, или даже у самого Канта в ранней его работе «Наблюдения над чувствами прекрасного и возвышенного», зрелый Кант вскрывает различие в самом механизме их восприятия. Различия эти, с точки зрения Канта, столь существенны, что способность суждения о возвышенном лишь с известным трудом удается отнести к области рефлектирующей способности суждения, во всяком случае от эталонного эстетического суждения — суждения о прекрасном — оно весьма далеко.

В сферу аксиологических явлений, т. е. явлений, определяемых их принадлежностью к чувству удовольствия и неудовольствия, входят приятное, прекрасное и доброе. В другом месте Кант расширяет эту сферу, утверждая, что «по отношению к чувству удовольствия предмет можно причислить или к приятному, или к прекрасному, или к возвышенному, или к (безусловно) доброму *iuscundum, pulchrum, sublime, honestum*»⁷, где учитывает результаты «Аналитики возвышенного», согласно которой возвышенное существенно отличается от прекрасного. Кант располагает их в определенном порядке, основанием для установления которого у него служит уровень интеллектуализации одних оценок по отношению к другим⁸. Он пишет: «Приятное ощущает и животное, лишённое разума; красоту — только люди, т. е. животные, но наделённые разумом, однако не только как разумные существа как таковые (каковы, например, духи), но вместе с тем и как животные; доброе же значимо для всякого разумного существа вообще»⁹.

---

⁶ См.: Трофимов И. С. Возвышенное и прекрасное в эстетике Э. Бёрка. — В кн.: Из истории эстетической мысли нового времени. М., 1959; Гельвеций К. О человеке. Соч. в 2-х т., т. 2, М., 1974.

⁷ Кант И. Соч., т. 5, с. 275.

⁸ М. Н. Афасижев в интересной статье «Кант о типологии предметов эстетического восприятия» (см.: «Вестник Моск. ун-та. Философия», 1974, № 4) исходит из того, что в основание иерархии типологии чувств Кант кладет отношение человека к сверхчувственному миру. Нам представляется, что это основание является опосредованным, «вторичным». Оно, несомненно, имеет место, но в качестве следствия непосредственного и «первичного» основания, каковым мы считаем уровень интеллектуальности чувств. Ведь именно «степень рациональности» тех познавательных способностей, которыми располагает человеческая душа, лежит у Канта в фундаменте иерархии всех «предметов» мира, начинающейся с чувственных предметов, затем ноуменов и, наконец, самих вещей в себе (мы представляем эту иерархию в обобщенном виде). Для материалистического прочтения Канта, видимо, значительно важнее указанное первичное основание.

⁹ Кант И. Соч., т. 5, с. 211.

Эта идея И. Канта в полной мере не реализована аксиологией до сих пор. У Канта здесь проведена лишь формально-логическая систематизация, но если учесть не оставляющие Канта мысли об историчности природных процессов, совершенно недвусмысленно выраженные в статье «О применении телеологических принципов в философии»¹⁰ и работах, посвященных проблемам философии истории¹¹, в системе специфических видов удовольствия можно обнаружить и генетические связи. Сам Кант к этим генетическим связям обращается и в «Критике способности суждения» в разделе «Дедукция чистых эстетических суждений». Здесь в § 41 «Об эмпирическом интересе к прекрасному» Кант доказывает, что приятное органически связано со вкусом и что культивирование приятного рождает и развивает вкус, а в § 42 «Об интеллектуальном интересе к прекрасному» он доказывает, что вкус органически связан с нравственно добрым и способствует последнему. Выделение в качестве наиболее фундаментальной, базисной для всей аксиологической шкалы сферы приятного, — по всей вероятности, одна из глубоких и верных мыслей, высказанных Кантом. На роль такой фундаментальной оценки может претендовать еще полезное, утилитарно-целесообразное. Действительно, оценки эти чрезвычайно близки и в подавляющем большинстве случаев сопровождают друг друга, но приятное не тождественно полезному. Бывают ситуации, в которых полезное и, следовательно, в данный момент необходимое не может восприниматься в качестве приятного, точно так же, как и наоборот: далеко не всегда приятное бывает полезным. Поэтому вопрос о том, какая из оценок наиболее фундаментальна и должна быть положена в основание аксиологической шкалы — далеко не простой, на него не может быть дан однозначный ответ. Видимо, все оценки могут быть разделены на две группы: 1) оценки, в производстве которых участвуют все системы психических функций, вплоть до первой сигнальной системы и 2) оценки сознательные, рационализированные, выполняющиеся с участием второй сигнальной системы.

Первая группа, без сомнения, генетически первичные оценки, являющиеся общими для человека с животными. К этого рода оценкам должны быть отнесены такие из них, как «приятное — неприятное (отталкивающее)» и «полезное — вредное». Здесь из этих двух рядов оценок наиболее фундаментальной и первичной может быть избрана пара оценок первого ряда — «приятное — отталкивающее»: эти оценки наиболее непосредственны и представляют собой наиболее простой, самый элементарный вид оценок. «Полезное» же и «вредное» тесно связаны и близки оценкам «приятное — отталкивающее», но, по всей вероятности, более сложны и строятся на основе последних.

¹⁰ Кант И. Соч., т. 5, с. 70

¹¹ См.: Гринишин Д. М., Калинин Л. А. Проблемы философии истории в системе Канта. — «Философские науки», 1974, № 6.

Оба ряда оценок первого вида формируются и приобретают качественную специфичность только на биологическом уровне развития материй и продолжают свое действие на уровне материи социальной, хотя в значительно более развитом и усложненном, опосредствованном рациональным сознанием виде. Они выделяются как определенные стороны или моменты отношения живых материальных систем к другим системам, служащим для первых средой, — стороны или моменты, в которых устанавливается значимость среды для живых систем, в зависимости от которой осуществляется реакция на воздействие среды.

Оценка «приятное — отталкивающее» (группа оценок этого вида может быть названа презентарными оценками: от англ. pleasant по аналогии с утилитарными) прослеживается на всех уровнях организации живого, тогда как утилитарные оценки (польза — вред), видимо, требуют для своего существования наличия у оценивающей системы центральной нервной системы. Дело в том, что центральная нервная система представляет весь организм в его целостности, надстраиваясь над периферическими нервными узлами, осуществляющими безусловно-рефлекторное управление отдельными органами. Оценка некоторых компонентов среды может в этих условиях быть противоречивой. При непосредственном восприятии органами чувств эти компоненты могут получить положительную оценку, но их оценка организмом в некоторых случаях (а они не так уж редки) может оказаться отрицательной: приятное в конечном итоге оказывается вредным. Может иметь место и обратная ситуация, когда нечто отталкивающее при непосредственном восприятии — необходимо и полезно в итоге. Надо иметь в виду также и тот факт, что сама нервная система находится со средой в двух отношениях, представляя, во-первых, саму себя, а во-вторых, организм в целом, что служит условием различий в оценке одного и того же компонента среды.

Вторая группа оценок — оценки рационализированные или сознательные — вторичные и производны от оценок первого вида. Эти оценки социальные, принадлежащие человеку и характеризующие только его. Основными рядами оценок этого вида являются оценки гносеологические (истина — ложь), эстетические (прекрасное — безобразное), нравственные (добро — зло).

Отсюда ясно, что кантовское «чувство удовольствия и неудовольствия» обладает тем недостатком, что сужает сферу оценочных явлений. Полезное или вредное нельзя без натяжки подвести под «чувство удовольствия или неудовольствия», а тем более — такие оценки, как истина — ложь. Кант этого и не делает. Он, напротив, относит их к другим функциям сознания, связи между которыми или не прослеживаются вовсе, или прослеживаются с большим трудом.

Оценка «польза — вред» в ходе исторического развития общества трансформируется и приобретает качественно новый вид

эстетических оценок «красота — уродство». Этому процессу, начиная с эстетических работ Г. В. Плеханова, эстетики-марксисты уделяли и уделяют до сих пор большое внимание, поэтому изучен он подробно и хорошо аргументирован. Следующий шаг в развитии ценностных явлений, намечаемый Кантом, — переход от эстетических ценностей к нравственным, от «прекрасного к доброду» — значительно более гипотетичен¹². Работ такого рода почти не имеется. Связь же между добром и красотой прослеживается только в плане функциональном, но не генетическом.

Из четырех названных Кантом видов ценностей, т. е. приятного, прекрасного, возвышенного и доброго, «единственно лишь удовольствие от прекрасного есть незаинтересованное и свободное удовольствие, так как здесь никакой интерес — ни интерес внешних чувств, ни интерес разума — не вынуждает у нас одобрения»¹³. Это значит, что относительно такого момента суждения вкуса, как его качество, подлинной рефлектирующей способности суждения отвечает лишь суждение о прекрасном. «Предмет склонности (приятное — *Л. К.*) и предмет, желание обладать которым предписывается нам законом разума (доброе. — *Л. К.*), не оставляют нам свободы самим себе сделать что-то предметом удовольствия. Всякий интерес предполагает потребность или порождает ее и в качестве определяющего основания нашего одобрения, позволяет суждению о предмете быть свободным»¹⁴.

Но, как оказывается в дальнейшем, возвышенное как явление вкуса чрезвычайно близко доброду. Эта близость как бы приподнимает чувство возвышенного над чистой рефлектирующей способностью суждения и переносит его в сферу способности желания, соединяя с практическим разумом.

ПРИРОДА ВОЗВЫШЕННОГО

1. Проблема человеческого интереса, заключенного в возвышенном. Мысль об отсутствии интереса как важнейшей характеристики эстетических явлений неверна уже относительно сферы прекрасного, и, если бы Кант сколько-либо последовательно ее проводил, он был бы вынужден так ограничить эту сферу, что в ней остались бы только то, что отвечает требованиям «свободной» красоты (*pulchritudo vaga*). Но этим требованиям, по характеристике самого Канта, отвечают в природе только цветы, некоторые птицы («попугай, колибри, райская птица») и моллюски, а в области явлений искусства — рисунки *a la grecque*, орнаменты, непрограммная му-

¹² Обосновать этот переход мы попытались в статье «Взаимосвязь добра и красоты в процессе их становления». — «Уч. зап. Калинингр. ун-та», 1968, вып. 3.

¹³ Кант И. Соч., т. 5, с. 211.

¹⁴ Там же.

зыка. Все остальное относится к красоте «привходящей», обусловленной ее принадлежностью к «объектам, подводимым под понятие особой цели»¹⁵. Тем более «привходящий» эстетический характер имеет чувство возвышенного, несмотря на исходное утверждение «Аналитики возвышенного»: «Прекрасное имеет то общее с возвышенным, что оба нравятся сами по себе»¹⁶. Кант относительно возвышенного практически этот тезис нигде не развивает.

На структуру, состав, строение эстетических явлений Кант смотрит сквозь призму своих гносеологических идей. Противопоставление рассудка и разума, на котором построена «Критика чистого разума», сказалось и на противопоставлении прекрасного и возвышенного, ибо прекрасное Кант связывал с деятельностью рассудка, а возвышенное — с деятельностью разума. Ни эстетические, ни художественные явления сами по себе непосредственно его не интересовали. Не случайно в «Критике способности суждения» Канта не занимают комическое и трагическое.

О структуре «Критики эстетической способности суждения» он пишет следующее: «Восприимчивость к удовольствию из рефлексии о формах вещей (как природы, так и искусства) означает... не только целесообразность объектов в отношении к рефлектирующей способности суждения сообразно понятию природы в субъекте, но и наоборот — целесообразность субъекта в отношении предметов, если иметь в виду форму и даже бесформенность, в силу понятия свободы; вот почему эстетическое суждение, с одной стороны, как суждение вкуса соотносится с прекрасным, а с другой — как возникшее из некоего духовного чувства — и с возвышенным, и поэтому указанная критика эстетической способности суждения должна быть разделена на две сообразные им главные части»¹⁷. Ни комическому, ни трагическому при таком делении нет места, как нет и соответствующей «познавательной способности».

Прекрасное рассматривается Кантом как свободная игра гармонического соответствия воспринимаемой или представляемой с помощью воображения целесообразной формы вещей, способности иметь понятие этих вещей в рассудке. Указанное гармоническое соответствие рассматривается в качестве основания чувства удовольствия, получаемого от осмысления прекрасного.

Кант хочет выделить и понять, что такое эстетическое в его собственном качестве, в чистом виде, свободном от любых привходящих в него моментов, в противоположность своим предшественникам на поприще эстетики, которые подобной задачи перед собой не ставили. Он справедливо полагал, что «уже благодаря одному только разграничению неоднородного, которое

¹⁵ Там же, с. 232.

¹⁶ Там же, с. 249.

¹⁷ Там же, с. 192.

до этого рассматривалось в смешанном виде, науки часто озаряются совершенно новым светом; хотя при этом и обнаруживается известная убогость, которая до этого могла скрыться за чужеродными знаниями, но зато открываются многие подлинные источники знания там, где их совсем нельзя было бы ожидать»¹⁸. Этому принципу, сейчас рассматриваемому как важнейший принцип системного анализа, Кант следует не только в эстетических исследованиях, но гносеологических и этических. Кантовский «формализм» является в какой-то мере следствием именно этого методологического принципа, который Кант гипертрофирует. Пытаясь получить «чистое» эстетическое наслаждение, Кант освобождает формы вещей и явлений от содержания и получает такую абстракцию, как «форма целесообразности без цели», поскольку эстетическое восприятие должно быть очищено от влияния какого-либо интереса, неизбежно предполагающего содержание, а с ним и цель. Он увлекается в своей характеристике суждений вкуса относительно прекрасного так, что вступает в противоречие со своими собственными методологическими положениями. В «Трансцендентальной диалектике» Кант различает два вида отрицания: логическое, или определенное, и трансцендентальное, или абсолютное. Относительно последнего вида отрицания он пишет, что трансцендентальное отрицание «означает только отсутствие, и там, где мыслится только это отрицание, представляется устранение всякой вещи»¹⁹. Поэтому ни цель, ни интерес не могут быть подвергнуты трансцендентальному отрицанию, чтобы не был устраним и самый вкус. Что же касается логического отрицания, то «нельзя мыслить отрицание определенно, не полагая в основу противоположного ему утверждения»²⁰, а это должно означать, что, если отрицается привходящий интерес, то только при условии данности имманентного интереса, если отрицается посторонняя цель, то только при условии наличия собственной цели. Таким образом, прекрасное должно иметь собственную цель и интерес.

Это противоречие, как и целый ряд подобных ему, связано с тем, что Кант метафизически разделяет содержание и форму, где уже ни при каких обстоятельствах и ни в каком отношении форма не может выступать в качестве содержания.

Относительно возвышенного это противоречие, на первый взгляд, значительно сильнее и резче, так как «прекрасное готовит нас любить нечто, даже природу, без всякого интереса, возвышенное — высоко ценить нечто даже вопреки нашему (чувственному) интересу»²¹. Понятие интереса оказывается, однако, не ограниченным у Канта только чувственным интересом, хотя в подавляющем большинстве случаев, когда Кант говорит

¹⁸ Кант И. Соч., т. 5, с. 71.

¹⁹ Кант И. Соч., т. 3, с. 506.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, т. 5, с. 277.

об интересе, он имеет в виду именно чувственный интерес, на основе которого существует такая оценка, как приятное. Когда речь идет о прекрасном, то понятие интереса Кант действительно ограничивает единственным видом интереса — чувственным интересом, от которого прекрасное свободно. Вместе с тем это не так, если речь идет о возвышенном. С чувственным интересом оно, как и прекрасное, действительно не имеет ничего общего, однако существует интеллектуальный интерес, и этот вид интереса органически связан с возвышенным²².

Кант пишет, что предметом чистого и безусловного интеллектуального удовольствия служит «моральный закон, властвующий в нас над всеми и всякими предшествующими ему мотивами души»²³. В то же время «интеллектуально, само по себе целесообразно (морально) доброе в эстетической оценке должно быть представлено не столько прекрасным, сколько возвышенным»²⁴. Возвышенное, в отличие от прекрасного, противоречиво. Здесь сталкиваются два вида удовольствия: «Удовольствие с эстетической стороны (по отношению к чувственности) негативно, т. е. действует против этого [чувственного] интереса, но рассматриваемое с интеллектуальной стороны, оно положительно и связано с некоторым интересом»²⁵.

2. Структура возвышенного по Канту. Чтобы понять природу этого противоборства интересов, надо рассмотреть структуру возвышенного по Канту.

Природу эстетического отношения вообще, в том числе и природу такой разновидности этого отношения, как возвышенное, Кант представляет в субъективно-идеалистическом духе: «Истинную возвышенность надо искать только в душе того, кто высказывает суждение, а не в объекте природы, суждение о котором дает повод для такого расположения у него»²⁶. Кроме общефилософской его концепции, такому решению вопроса много способствует то обстоятельство, что Кант подходит к изучению эстетических явлений как к субстантивированным свойствам. Даже там, где он как будто совершенно правильно рассматривает эстетическое в качестве отношения, Кант не умеет удержаться на этой позиции, незаметно для самого себя переходя к той точке зрения, что эстетическое представляет собой свойство. Первая страница «Аналитики прекрасного» может служить тому характерным примером: «Всякое отношение представлений, даже отношение ощущений, может быть объектив-

²² См.: Кант И. Соч., т. 5, с. 281—282.

²³ Там же, с. 281.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Кант И. Соч., т. 5, с. 263; см. там же, с. 256—257, 272—273. В конечном счете, правда, и в трактовке возвышенного обнаруживается дуализм Канта, поскольку воображение представляет мир вещей для нас, а разум — мир вещей в себе, приведенные в нашей душе в игру сопоставления, в которой побеждает мир интеллигибельный.

ным²⁷ (и тогда оно означает реальное в эмпирическом представлении), только не отношение к чувству удовольствия и не-удовольствия, посредством которого в объекте ничего не обозначается, но в котором субъект сам чувствует, какое воздействие оказывает на него представление»²⁸. Если это отношение, оно непременно характеризует и объект отношения. Если никаким образом в отношении не представлена одна из соотносящихся вещей, отношение вырождается в свойство, что и происходит у Канта.

Видя в эстетическом свойстве, Кант понимает ошибочность вульгарно-материалистической трактовки этого свойства. Тем легче и убедительнее кажется ему решение, согласно которому природа этого свойства чисто субъективна. Разумеется, любое отношение может быть представлено в виде свойства, так как свойства и отношения диалектически взаимосвязаны друг с другом и в определенных условиях переходят друг в друга²⁹. Но эстетическое будет ошибочным представлять себе простым свойством: это свойство диспозиционное. Абстрагирование от этого «свойства свойства», т. е. от диспозиционности, приводит в эстетических исследованиях к ошибочной позиции, чему история эстетики и является свидетелем. Надо отметить здесь, однако, что И. Кант в решении многих конкретных вопросов учитывает диспозиционность эстетических свойств, и тогда без натяжки согласовать то или иное конкретное положение «Критики способности суждения» с общетеоретической субъективно-идеалистической позицией невозможно. Необычайная плодотворность Кантовых эстетических идей заключена, в частности, и в этом рассогласовании.

Субъективность возвышенного по своей степени даже выше субъективности прекрасного, так как «основание для прекрасного в природе мы должны искать вне нас, для возвышенного же — только в нас и в образе мыслей, который вносит возвышенное в представление о природе...»³⁰ Таким образом, Кант стремится представить возвышенное только в качестве акта восприятия и оценки, мало обращая внимание на те объективные качества некоторых явлений действительности, которые способны породить восприятие возвышенного.

Для того чтобы в субъекте возникло чувство возвышенного, необходимо восприятие (или просто действие воображения) могучих и грозных, бесформенных, с точки зрения рассудочной деятельности субъекта, явлений природы, как внешней для человека, так природы и внутренней, насколько субъект сам пред-

---

²⁷ Следует отметить, что понятие «объективность» в этом случае Кант употребляет в специфически кантовском смысле, совсем не как то, что первично по отношению к субъекту и независимо от него.

²⁸ Кант И. Соч., т. 5, с. 203.

²⁹ См.: Уемов А. И. Вещи, свойства, отношения. М., 1963.

³⁰ Кант И. Соч., т. 5, с. 252.

стает как природное существо. Такое восприятие побуждает воображение найти для воспринимаемого смысл, назначение, мерило; но воображение через порыв к поискам такого мерила отступает в бессилии. «Чрезмерное для воображения (к которому оно побуждается при схватывании созерцания) есть как бы бездна, в которой само оно боится затеряться...»³¹, — объясняет поведение воображения Кант. Однако как раз то, что воображение оказалось в такой ситуации, служит пусковым механизмом для деятельности разума. Разум приводит в действие свои идеи, которые безотносительны, абсолютны во всех отношениях, по сравнению с ними все воспринятое или доступное воображению безусловно мало. В этой работе разума душа «чувствует себя в силах перейти рамки чувственности»³² и обнаруживает свое господство над миром явлений. Обе способности тесно взаимодействуют, и в итоге мы ощущаем «субъективную игру самих душевных сил (воображения и разума) через их контраст как гармоническую»³³. Данное чувство и представляет собой возвышенное.

Мысль Канта глубока и интересна в том отношении, что он не останавливается на обнаружении несоответствия между воспринимаемым объектом и нашим эстетическим идеалом, при котором объект превосходит наш идеал. М. С. Каган именно здесь ставит точку в своей трактовке возвышенного. По сравнению с прекрасным, пишет он, «в возвышенном... количественная сторона выступает на первый план и развивается столь активно, что разрывает границы меры, порождая *безмерное* и *чрезмерное*»³⁴, причем в процессе эстетического восприятия безмерного объекта человек сознательно или бессознательно соотносит его «с *собственным своим* размером, *со своей* силой и энергией»³⁵.

Действительно, этот момент чрезвычайно важен. В нем обнаруживается первичность объективного, в частности, природно-материального мира, над субъективно выработанным идеалом. Материальный мир как бы врывается в ограниченную сферу нашего эстетического опыта и раздвигает его границы, заставляет совершенствоваться, делать все более масштабным наш эстетический идеал. Первичность материи по отношению к эстетическому сознанию проявляется в возвышенном.

Кант, однако, продолжает дальше, утверждая, что несоответствие воображения воспринимаемому объекту тем не менее сопровождается чувством превосходства человека над ним (объектом), чувством подвластности природы человеку, сколь бы грандиозны и могущественны ни были ее силы. Доказательство

³¹ Там же, с. 266.

³² Там же, с. 262.

³³ Там же, с. 266.

³⁴ Каган М. С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Изд-во Ленингр. ун-та, 1971, с. 160.

³⁵ Там же, с. 161.

этого тезиса Кант разворачивает в обычном для своего стиля периоде, в котором сжимает всю ранее построенную теорию обсуждаемого предмета и который в данном случае заканчивает следующим образом: «Так в нашем эстетическом суждении природа рассматривается как возвышенная не потому, что она вызывает в нас страх, а потому, что будит в нас нашу силу (которая не есть природа), чтобы все, за что мы опасаемся (имущество, здоровье и жизнь), считать чем-то незначительным и потому силы природы (которой мы, что касается этих предметов, конечно, подчинены), несмотря на это, не признавать для себя и своей личности такой властью, перед которой мы должны были бы смириться... Следовательно, природа называется возвышенной только потому, что она возвышает воображение до изображения тех случаев, в которых душа может ощущать возвышенность своего назначения по сравнению с природой»³⁶. На этот момент возвышенного справедливо обращает внимание В. П. Шестаков, который трактует возвышенное через понятие гармонии и совершенства: «Рассмотрим гармонию не как реализованное совершенство, т. е. не как прекрасное, а только как возможность совершенства, возможность еще не реализованную, но вполне реальную. Понятая таким образом гармония представляет собой содержание такой категории, как «возвышенное». О возвышенном мы часто говорим как о форме вполне достижимого, но еще не реализованного совершенства. Возвышенное показывает нам возможность этого совершенства, оно раскрывает нам пути и способы его достижения»³⁷. Эта идея В. П. Шестакова через Шарля Лало, работу которого «Понятия эстетики» он справедливо критикует, восходит к Канту, так как Лало строит свою концепцию на вульгаризированной и упрощенной теории кенигсбергского мыслителя. Вместе с тем В. П. Шестаков утрачивает ту сторону мысли Канта, где этот последний обращает внимание на обнаруживающуюся в возвышенном дисгармонию и основывающееся на ней чувство «неудовольствия», неудовлетворенности.

3. Некоторые моменты Кантовой теории возвышенного в свете современности. Нельзя согласиться с положением М. С. Кагана, согласно которому в возвышенном решающую роль играет количественная сторона оцениваемых предметов, тогда как в прекрасном — сторона качественная³⁸. В этом положении явно обнаруживается влияние И. Канта. Однако для Канта начать изучение «с количества как первого момента эстетического суждения о возвышенном»³⁹ ес-

³⁶ Кант И. Соч., т. 5, с. 270.

³⁷ Шестаков В. П. Гармония как эстетическая категория. М., 1973, с. 224—225.

³⁸ См.: Каган М. С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике, с. 127, 159—162.

³⁹ Кант И. Соч., т. 5, с. 253.

тественно и оправданно. Он начал с количества (а под количеством как моментом эстетического суждения следует понимать, по Канту, претензию этого суждения на всеобщее согласие), практически произведя, вольно или невольно, подмену понятия «количество» как момент эстетического суждения понятием «количество» как сторона бытия, изучаемая, прежде всего, математикой. Ведь математически возвышенное служит Канту моделью для изучения собственно возвышенного, динамически возвышенного, а математически возвышенное посвящено анализу понятий потенциальной и актуальной бесконечности, методологическим проблемам теории измерений, прежде всего проблеме выбора единицы измерения. Отмеченная Кантом глубокая аналогия в способе решения диалектической проблемы соотношения единого и многого, большого и малого, берущей начало еще в «Трансцендентальной логике», со способом эстетического «познания» явлений бытия как возвышенных чрезвычайно интересна и требует специального исследования. Кант здесь обнаружил, что оценка включается органически в акт познания.

С точки зрения М. С. Кагана, соотношение эстетического идеала с реальностью — это соответствие, как в случае прекрасного, так и возвышенного. И в том и в другом случае идеальное и реальное находятся в отношении соответствия, совпадения. Возвышенное «подчиняется общей для всех эстетических явлений диалектике реального и идеального»⁴⁰, выражающейся в сопоставлении и единстве «стихийной мощи» природы и «мечты человека о его собственном могуществе»⁴¹, как важнейшей стороны идеала. Различие же между прекрасным и возвышенным заключается в том, что «в прекрасном отношении количества и качества имеет вид такого гармонического соответствия, которое философия называет *мерой*, в возвышенном же количественная сторона выступает на первый план и развивается столь активно, что разрывает границы меры, порождая *безмерное и чрезмерное*»⁴².

Следует, однако, иметь в виду, что различные объекты имеют и различную меру — то, что Карл Маркс называл «мерой данного вида». Для гор, морей, степей, водопадов, небесного свода мера в каждом случае специфична так же, как и для «небольших холмов, маленького озера, лесной лужайки, цветка». Прежде всего качеством, а не количественно отличаются горы от холмов, океаны от озер, степи от лужаек. Величина, сила и мощь различных объектов строго укладываются в границы меры. Когда объект воспринимается как возвышенный, прежде всего имеет значение его специфическое качество, отличающее его от качества тех объектов, которые оцениваются как прекрасные.

⁴⁰ Каган М. С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике, с. 163.

⁴¹ Там же, с. 164.

⁴² Там же, с. 160.

Величина, сила, могущество, энергия, масштабность, монументальность и т. д. играют важную роль в эстетических оценках соответствующих объектов не потому, что эти количественные характеристики превосходят меру своих объектов,— этой мере они, напротив, соответствуют. Объекты, обладающие подобными свойствами, воспринимаются возвышенными, если эти объекты в практической деятельности человека не освоены, не освоены в их качестве, прежде всего, а значит, и в количественных свойствах.

Кант характеризует эти объекты как такие, относительно которых не выработана еще «нормальная идея прекрасного» — соответствующая эстетическая норма. Именно поэтому он говорит о том, что они, эти объекты, бесформенны, что они есть как бы бездна, в которой воображение боится затеряться. «То, что мы обычно называем в ней [в природе] возвышенным,— пишет Кант,— совершенно не ведет к особым объективным принципам и своеобразным им формам природы, так что природа именно в своем хаосе или в своем самом диком и лишенном всяких правил беспорядке и опустошении, если только видны величие и мощь, сильнее всего вызывает в нас идеи возвышенного»⁴³. Тогда-то на помощь воображению приходит разум с его трансцендентальными понятиями — ноуменами, в итоге вмешательства которого человек ощущает свои силы и смотрит как на подвластные ему на любые природные феномены, хотя эти силы он обретает как существо мира сверхчувственного.

Однако объекты такого рода, со всей своей энергией, активностью, могуществом и пр., если они полностью человеком освоены, если по отношению к ним уже создан идеал «содержательной формы», в случае соответствия идеалу воспринимаются в качестве прекрасных.

На этой основе складывается динамика эстетического освоения мира, разворачивается эстетическое отношение человека к окружающей его природной и социальной действительности. Те природные и социальные стихии и силы, которые воспринимались людьми как возвышенные, с течением времени приручаются, делаются обыденными и привычными и начинают восприниматься лишь прекрасным. Возьмем, например, историю освоения пятого океана — воздушного. Легендарные перелеты советских летчиков через Северный Полюс в Америку воспринимались как деяние возвышенное, а их поведение — как героическое. Если обратимся к искусству, то тем же возвышенным пафосом проникнуты повести Экзюпери. Современный мастерский полет такого рода мы оценим прекрасным, но того энтузиастического чувства, которым характеризуется возвышенное, уже не ощутим. И восторг, и гордость тут уже совсем другого рода: так должно и быть, так положено. Это освоенный, очеловеченный, обжитый мир.

⁴³ Кант И. Соч., т. 5, с. 252.

Можно отметить, что в итоге этого движения на Земле все меньше и меньше остается объектов, которые созвучны возвышенному, причем в числе этих объектов и сама Земля. Если до сравнительно недавнего времени она воспринималась в качестве беспредельного, ничем не ограниченного пространства, и этому не мешало даже сознание того, что Земля — круглая, то теперь — в качестве общего дома, размеры которого и все прочие характеристики достаточно определены и — нам соразмерны. Таким образом, попадающие в наше эстетическое поле природные феномены движутся в нем в направлении от несоответствия идеалу к соразмерности с ним. Соответствие и несоответствие — в равной мере количественные характеристики, но различные количественные характеристики, приводящие к качественному различию возвышенного и прекрасного.

Объектом возвышенного все чаще в соответствии с этим становится космос, различные космические явления. Опережая процесс космизации производства, о котором так настойчиво говорят в последнее время социологи, космос обживает эстетически. Возвышенное — это как бы эстетическая разведка, в которой человечество примеривается и сопоставляет свои силы и возможности с новыми условиями, в которых неизбежно придется жить и трудиться. Рано или поздно период разведки будет закончен, человечество обживет ближайшее космическое пространство, идеал и космическая действительность придут в соответствие. Новая сфера прекрасного займет свое место в ряду прекрасных явлений, а эстетическое отношение человека к действительности с помощью чувства возвышенного устремится к экспансии в новые, еще неизведанные и таинственные миры.

Отмеченное изменение в содержании возвышенного сопровождается другим, еще более важным процессом: объектом чувства возвышенного все в большей мере становится величие нравственного духа человека. Процесс этот настолько активен, что мы, в известном смысле, можем говорить о нравственно-эстетической природе возвышенного. Оно все больше утрачивает однородность эстетической оценки, эстетическую «чистоту», и приобретает бинарный синкретический характер, совмещающий два плана: эстетический и нравственный.

Диалектической противоположностью возвышенного является низменное. Они нерасторжимо целостны, взаимопроникают друг в друга. Однако относительно природных феноменов оценка «низменное» совершенно не употребительна. В природе нет низменного, оно здесь отсутствует. Для явлений природы мы полностью удовлетворяемся такой эстетически негативной оценкой, как «безобразное». Низменными характеризуются социальные явления, поведение личности, социальной группы, класса, даже всего общества (социального организма, по терминологии Ю. И. Семенова) именно в нравственном отношении. Такое положение может служить в известной мере аргументом

от противного, характеризуя не только самое низменное, но и органически взаимосвязанное с ним возвышенное.

Эта перестройка может быть объяснена самим характером развития общества. В процессе прогрессивного общественного развития относительно ослабевает зависимость общества от природы и вместе с тем возрастает роль внутрисоциальных отношений, а в них — значение субъективного фактора, где одну из важнейших функций выполняет мораль. Даже в ситуации обострившихся в настоящее время взаимоотношений природы и общества, характеризующихся в качестве экологического кризиса, социальные отношения антагонистического типа повинны прежде всего. Хищническое отношение к природе, ее непродуцирующая эксплуатация, связанная с гонкой вооружений, монополистическая конкуренция разлагают, деструктурируют биосферу, и не только ее. Гармонические же отношения между людьми, отношения социалистического типа дают возможность столь же гармонично развивать и отношение общества к природе. Не случайно Карл Маркс, анализируя социальную сущность отчуждения, пришел к выводу, что отчуждение человека от продукта его труда, достигшее предела в буржуазном обществе, приводит в конечном итоге не только к отчуждению человека от человека, но и к отчуждению человека от природы⁴⁴.

М. С. Каган писал по этому поводу, что «по мере того, как прогресс умерял значение грубой физической силы, выдвигал на первый план ценности духовного, нравственного, а затем и политического порядка, возвышенное все теснее связывалось с этими последними. Теперь уже в эстетическом сознании человечества возвышенное предстает как эстетическое качество силы характера, могущества духа, нравственного роста»⁴⁵. Однако данная идея по праву принадлежит И. Канту, под влиянием ее Кант саму структуру возвышенного характеризует как игру (видя под последней «серьезное занятие») воображения и разума, — разум же — это, прежде всего, носитель практических, т. е. нравственных (для Канта) идей. Данное изменение в структуре возвышенного, связанное с его эволюцией в процессе социального развития, Кант абсолютизирует, рассматривая в качестве вневременного и вечного состояния возвышенного. Поэтому для Канта «динамически» возвышенное представляет высший, наиболее чистый вид возвышенного, в указанном отношении «динамически» возвышенное господствует над «математически» возвышенным, несмотря на то, что последнее выступило в роли структурной модели для первого.

Не случайно, характеризуя «математически» возвышенное, Кант сталкивается с противоречием, суть которого заключается

⁴⁴ См.: Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. (Отчужденный труд). — В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.

⁴⁵ Каган М. С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике, с. 165.

в том, что «математически» возвышенное возникает на основе соотношения воображения и, тех идей разума, которые остаются еще на диалектической почве чистого теоретического разума, с одной стороны, а с другой — разум действителен только в практическом отношении, почему и «математически» возвышенное в конечном счете связано с несением нравственных идей.

Рассматривая вопрос об «интеллектуальной красоте», или красоте внутренней, красоте человеческой души, а не тела, Кант приходит к выводу, «что интеллектуально, само по себе целесообразно (морально) доброе в эстетической оценке должно быть представлено не столько прекрасным, сколько возвышенным...»⁴⁶ Кант уверен в том, что эстетическая оценка гармонического человека, прекрасного и телом и душой, не может ограничиться одним чувством прекрасного, а всегда сопровождается «чувством уважения», которое он рассматривает в качестве важнейшего морального чувства. Оценка такого человека может быть адекватной лишь при условии единства и согласованного действия чувства прекрасного и возвышенного.

Канта ни в коей мере не следует понимать так, что возвышенное — это чисто эстетическая оценка, и только объектом ее по преимуществу оказываются нравственные явления. Он доказывает, что это — оценка нравственно-эстетическая: «Она основывается на чувстве того назначения души, которое полностью выходит за область природы (на моральном чувстве)»⁴⁷. Даже в том случае, когда объект оценки — явление природы, «вряд ли можно мыслить чувство возвышенного в природе, не соединяя с ним расположения души, подобного расположению к моральному...»⁴⁸ Эстетическое чувство при этом испытывает неудовольствие, сталкиваясь с бесформенным и, с точки зрения рассудка, неорганизованным, природа здесь, как бы вырывается из-под власти человека; но вступающее в действие моральное чувство дает возможность осознать конечное превосходство человека над любимыми стихиями.

Человек и только человек является конечной целью: «Во всем сотворенном все что угодно и для чего угодно может быть употреблено всего лишь как средство; только человек, а с ним каждое разумное существо есть цель сама по себе»⁴⁹. В теории возвышенного явно звучит высокий гуманистический пафос Канта, который дал ему возможность быть не только выше предшественников, например Лонгина, трактат которого «О возвышенном» оказал на Канта большое воздействие, но выше даже и таких своих последователей, как Гегель. Освобожденная от «мистической идеалистической шелухи» эта теория способна плодотворно служить эстетике.

⁴⁶ Кант И. Соч., т. 5, с. 281.

⁴⁷ Там же, с. 278.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, т. 4, ч. 1, с. 414.